

10.12.1971

150 лет
Николаю
Алексеевичу
НЕКРАСОВУ

«СЕЙТЕ РАЗУМНОЕ, ДОБРОЕ, ВЕЧНОЕ!..»

Лариса ВАСИЛЬЕВА

Время не властно над ним

Если тебе шестнадцать лет, если тебе семнадцать лет, если тебе восемнадцать лет, если тебе девятнадцать лет, если тебе двадцать лет, если тебе двадцать один год, если тебе двадцать два года, если тебе двадцать три года, если тебе двадцать четыре года, если тебе двадцать пять лет, если тебе двадцать шесть лет, если тебе двадцать семь лет, если тебе двадцать восемь лет, если тебе двадцать девять лет, если тебе тридцать лет, если тебе тридцать один год, если тебе тридцать два года, если тебе тридцать три года, если тебе тридцать четыре года, если тебе тридцать пять лет, если тебе тридцать шесть лет, если тебе тридцать семь лет, если тебе тридцать восемь лет, если тебе тридцать девять лет, если тебе сорок лет, если тебе сорок один год, если тебе сорок два года, если тебе сорок три года, если тебе сорок четыре года, если тебе сорок пять лет, если тебе сорок шесть лет, если тебе сорок семь лет, если тебе сорок восемь лет, если тебе сорок девять лет, если тебе пятьдесят лет, если тебе пятьдесят один год, если тебе пятьдесят два года, если тебе пятьдесят три года, если тебе пятьдесят четыре года, если тебе пятьдесят пять лет, если тебе пятьдесят шесть лет, если тебе пятьдесят семь лет, если тебе пятьдесят восемь лет, если тебе пятьдесят девять лет, если тебе шестьдесят лет, если тебе шестьдесят один год, если тебе шестьдесят два года, если тебе шестьдесят три года, если тебе шестьдесят четыре года, если тебе шестьдесят пять лет, если тебе шестьдесят шесть лет, если тебе шестьдесят семь лет, если тебе шестьдесят восемь лет, если тебе шестьдесят девять лет, если тебе семьдесят лет, если тебе семьдесят один год, если тебе семьдесят два года, если тебе семьдесят три года, если тебе семьдесят четыре года, если тебе семьдесят пять лет, если тебе семьдесят шесть лет, если тебе семьдесят семь лет, если тебе семьдесят восемь лет, если тебе семьдесят девять лет, если тебе восемьдесят лет, если тебе восемьдесят один год, если тебе восемьдесят два года, если тебе восемьдесят три года, если тебе восемьдесят четыре года, если тебе восемьдесят пять лет, если тебе восемьдесят шесть лет, если тебе восемьдесят семь лет, если тебе восемьдесят восемь лет, если тебе восемьдесят девять лет, если тебе девяносто лет, если тебе девяносто один год, если тебе девяносто два года, если тебе девяносто три года, если тебе девяносто четыре года, если тебе девяносто пять лет, если тебе девяносто шесть лет, если тебе девяносто семь лет, если тебе девяносто восемь лет, если тебе девяносто девять лет, если тебе сто лет, если тебе сто один год, если тебе сто два года, если тебе сто три года, если тебе сто четыре года, если тебе сто пять лет, если тебе сто шесть лет, если тебе сто семь лет, если тебе сто восемь лет, если тебе сто девять лет, если тебе сто лет, если тебе сто один год, если тебе сто два года, если тебе сто три года, если тебе сто четыре года, если тебе сто пять лет, если тебе сто шесть лет, если тебе сто семь лет, если тебе сто восемь лет, если тебе сто девять лет, если тебе сто лет.

Насови мене такоу обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы селеть твой и
хранитель,
Где бы русский мужик
не стонал...
И начнется в твоей
жизни пора Некрасова,
которая оставит в памяти
глубокий и сильный след
навсегда.

Потом на какое-то время
ты забудешь его, увле-
ченный иным звуками,
но в зрелости он вернет-
ся к тебе, не обремененный
на измену, мужественный,
откровенный.

С этой невинностью
правую,
С этой верою святой
Над неправдою лукавою
Грешешь божею
грозою...

Время и век изменили
все — навсегда ушла Рос-
сия Некрасова, так точно
и тонко уловившего ее
колотит, так верно от-
крывшего в ней слабые
и сильные.

Почему же не только
не забыть, а все более близ-
ок нам поэт, отдавший
сердце музе «гнева и пе-
сали»?

Да потому, что над

тер развеет, даже мельк-
нуть не могла.

Дождь хлынул внезап-
но, бурно. Я не знаю, что
думали сидящие рядом со
мною, вылит промокшие до
нитки поэты. Я-то думала
со страхом:

— Что будет? Такое
скопище народу. Множе-
ство детей, стариков. Как
они будут разбегаться?
Сколько...

Ни один человек не
двинулся с места. Запас-
ливые и предусмотритель-
ные раскрывали зонты. Лег-
комысленные — зачем-то
прикрыли головы газет-
ми, которые тут же про-
мокли.

Я видела их глаза. Они
были по-прежнему обра-
щены к эстраде, где гово-
рили о Некрасове, где чи-
тали его стихи. Ни на
мгновение в глазах не
появилось никакого посто-
роннего выражения —
этот дождь, этот пытан
значения не имел.

И я подумала: что бы
было с самим Некрасо-
вым, узер он эту предан-
ную любовь к себе?

Вряд ли его бы охвати-
ло чувство бурной радос-
ти. Такие, как он, были
совестливы.

Скорей всего, он подум-
ал бы, что мало сделал,
что не достоин такой люб-
ви, скорей всего, он был
бы смущен и чрезвычай-
но возмущен, до слез,
до сердцебиения.

Но вместо него любовь
к нему принимали поэты
новых поколений, кото-
рым он был учителем и
неизменным другом. И мы
радовались, как радуешь-
ся торжеству правды и
справедливости.

Дождь прошел вместе с
предднем. Люди расхо-
дились, недовольные толь-
ко одним, что все уже
окончилось. Они готовы
были быть в гостях у Нек-
расова еще много часов.

С того дня, когда я беру
в руки том Некрасова,
за моей спиной незримо
вырастают залитые дож-
дем люди на поляне, мне
кажется, в эту минуту
миллионы людей откры-
вают книги Некрасова и
попадают в его удиви-
тельный мир, над кото-
рым не властно время.

Кто, служа великим целям века,
Жизнь свою всецело отдает
На борьбу за брата человека,
Только тот себя переживает.

Вас. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО

Н. А. Некрасову

О, нет, не думай, что напрасно
Ты жил, работал и страдал...
Не даром Родине звучал...

Железный стих, как плуг, глубоко
Взрывал народные поля.
Еще росток не видят око,
Пока — черна еще земля.

Но крепнут озми чпорно,
Настмет поздня зима,
И в этой поше бластомерно
Твои воскреснут семена.

Родимый край молчит, чуть дышит,
Но пусть твой стих ему звучит.
Придет пора — народ услышит
И скорью твою благословит.

(«Стихотворения», СПб., 1882, 76).

Был третий день рождества. На соборной колоколь-
не только что пробило 8 часов вечера, но, несмот-
ря на такой сравнительно ранний час, весь дом губер-
нского пещенного Бекетова, за исключением одной лишь
комнаты, уже сиял огнями, и звуки музыки и пения,
переполнявшие его, слышны были даже на улице.

Неосвещенная комната, куда старшая дочь Бекетова
Надя, смуглая, худенькая девушка-ребенок, осторожно
протворившись дверь, робко заглянула, принадлежала
родственнице Бекетова Марфе Ивановне Крыловой,
жившей в доме на совершенно особых правах, своей
особой жизнью, нисколько не похожей на жизнь осталь-
ной семьи.

Марфа Ивановна, полная низенькая женщина, лет за
шестьдесят, сидела, как всегда, в глубоком кресле,
между старинным письменным столом и шкафом с
книгами. Дремала она или с открытыми глазами усну-
вала при слабом мерцании полупритворенной топи-
шей лампы, нельзя было разогнать, и Надя в неуто-
ленной озабоченности у порога.

— Ну, да уж входи, если пришла, — послышался че-
рез мгновение слегка ворчливый голос Марфы Иванов-
ны. — Но почему ты оставила своих гостей, ведь празд-
ник ваш в самом разгаре? — спросила Марфа Ивано-
вна, слегка коснувшись завитых волос девушки.

— Не знаю, а вдруг скучно стало... Захотелось к вам, —
проговорила Надя неуверенно, так как действительно
не знала, зачем она сбегала сюда из шумной, ярко
освещенной залы.

— Ни к чему-то у вас нет интереса, даже к удоволь-
ствиям! — вздохнула Марфа Ивановна.

Надя почувствовала себя как бы виноватой и мол-
чала.

Как же это в свое время мыто жили? Вот уж,
можно сказать, буквально ничем не располагали, а куда
веселее вашего выходило! — Марфа Ивановна да-
же рассмеялась, но Надя все еще не доверила ее добро-
душию и продолжала сидеть молча.

— У вас и школы, и библиотеки, и репетиторы, и учи-
теля музыки, и у вас не знаю, что еще? — начала
Марфа Ивановна и снова вздохнула. — Взять хоть тот
же ваш сегоднешний литературно-музыкальный вечер.

Мама твоя мне говорила, что читать будут почти ис-
ключительно из Некрасова.

— Да, да. «Кому на Руси жить хорошо», «Дед Ма-
зай», «Девешая покупка», «В дороге». Потом Маша
сыграет на виолончели «Гроуку», Лида и Соня спо-
ют дуэтом. Потом будем танцевать...

— Ах, не трещи! — возмущилась Марфа Ивановна. —
Вообрази, как вы проходите Некрасова!

Надя проворно выпрямилась, быстро усилием воли
согнала со своего лица всякое выражение, устремила
взгляд в одну точку и, точно механизм какой, отка-
чала без смысла и без выражения:

Ложась, овцы парным молоком!
В воздухе пахнет, махая хвостом!
И она звонко, звонко засмеялась.

— Ну, вот... А уж как вы, учат! И каких только книг
нет у вас. У тебя, например, есть все наши поэты, есть
также Гоголь и Тургенев, а спросить тебя, много ли ты
из всего этого прочла, и окажется, что просмотрела
только кой-что из пятого и десятого...

— Да, совершенно нечего, Марфа Ивановна! Мама
говорит, читать буду уже вакацией...

— Вакацией, не вакацией! — все равно. Недосуги
ваш — одна отговорка. Поменьше читать можно и в
учебное время. Не хочется вам читать, вот это так. Вы
и ленивы, и равнодушны замечательно. Ты не обижай-
ся, Надя! Это правда. И я не об одной тебе говорю.

— Ну, рассказки мне, как сами вы в первый раз
читали, положим, Некрасова, — в самый первый раз,
когда и вам было не больше 15 лет.

— Да я его в то время совсем не читала. Где было
взять Некрасова в том глухом уездном городишке,
где я тогда жила? Тридцать-сорок лет назад там, кро-
ме уездного училища, не было ни одной школы, а о
библиотеках уж и говорить нечего, из книг же встре-
чалась только житейская свзята да еще сказки, и то редко.

— И все-таки Некрасова прочли к нам, — проговори-
ла она почти восторженно. — Случилось это тоже на
рождество и самым неожиданным, оригинальным обра-
зом. Я уже сказала тебе, что городишко наш был ма-
ленький и глухой, жизнь в нем шла однообразно и вя-

НЕКРАСОВ родился
удивительно своевре-
менно: Россия ждала его.
Россия ждала такого по-
эта. Он был патриотом, но
превращался в казенный ура-
патриотизм. Он умел люб-
вить Родину, но высказы-
вал свои чувства с таким
тактом, что не задевал ни-
когда достоинства других
наций.

В стихах шум,
гремят битвы.
Кипит словесная война.
А там, во глубине
России —
Там вековая тишина.
Лишь ветер не дает
покою

Вершинам придорож-
ных на-
и выгибаются дугою,
Целуясь с матерью-
землею,
Косюся бесконечных
ниб...

Некрасовская муза бы-
ла чуткой слушательни-
цей, она сторонилась шум-
ных празднеств, «ликую-
щих, праздно болтаю-
щих», «самодовольных
болтунов, охотников до
споров модных». Все-
гда мы следуем этой нек-
расовской традиции?

Поэзия Некрасова была
сильна своей совестли-
востью, своей непримирим-
остью ко злу, своей болью
и сопереживанием — все это
поэт «великого дела
любил». Невозможно за-
быть знаменитого восьми-
стишья Некрасова «Вче-
ршний день, часу в пе-
стом...». Образ крестьян-
ки молодой, которую на-
летит кнутом, но из уст
которой невозмож-
но исторгнуть ни слова, ни
просьбы о помиловании.

Образ этой «родной сест-
ры» музы поэта нельзя
забыть из памяти. О
чисто сапфирных их
Некрасов критик в свое
время писал как о ху-
дожнике, отдающем свое
талант «любви» Мол.
для вечности такие стихи
не годятся. Прошли годы,
но лучшее, созданное им,
живет. Некрасов вернее
многих своих критиков по-
нимал, что есть строки,

ЛЮБЛЮ ЕГО СТИХИ

которые обречены на уни-
жение, однако их гибель —
это подвиг бойца в сраже-
нии. В диалоге Поэта и
Гражданина развертыва-
ется картина бури, обру-
шивающейся на корабль.
Вправе ли в такой момент
поэт, запершись в каюте,
бродить на пире — «ле-
нивые уши усаждать» и
бурю грохот заглушать?

Пускай ты верен
назначенью,
Но легче ль родине
твоей,
Где каждый предан
поклонению
Единой личности своей?
Наперечет сердца
благие.

Которым родина свята,
Бог помочь им! —
остальные?
Их цель мекка, их
жизнь пуста.
Одни — стяжатели и
воры,
Другие — сладкие пев-
цы.

А третьи... третьи —
мудрецы:
Их назначение — раз-
говоры.

Творчество Некрасова
едино и цельно. Нельзя
отделить в нем сатирико-
го лирика. В «Размышле-
ниях у парадного подъез-
да» даются в ироническом
ключе сцены, рисующие
и владельца «роскошных
палат», и холостую
жизнь перед его подъездом
знавших посетителей.
Сильные это сцены, яркие
это наблюдения! Однако
чисто сатирические их
Все же не назовешь — они
тесно переплелись с дру-
гими эпизодами, исполнен-
ными живого сочувствия
к униженным и оскорблен-
ным. Отрицание и утверж-
дение так крепко взаимо-
связаны, что их обнаружи-
ваешь иногда в одной фразе
(«Возвращаясь, иной

напевае «трам трам», а
иные просители плачут»).
А как понял Некрасов
русского простодушного
мужика! Черты его запе-
чатлены в стихах поэта с
такой силой, чистотой и
глубокой любовью, что его
чувства нельзя не разде-
лить и сегодня.

Любовь Некрасова к
России и утверждение не
России помогали и помо-
гают каждому народу, ма-
лому или большому, в
своем собственном само-
утверждении. Это пример
благородный! Однако, раз-
вивая некрасовскую тра-
дицию, мы сегодня долж-
ны идти и дальше. Сейчас
на дворе XX век. Планета
стала совсем маленькой, и
взаимоотношения между
народами куда более тес-
ными, чем в прошлом сто-
летии. Мы должны выра-
зить все это в своем твор-
честве. Но, конечно, не на
какой-то абстрактной ос-
нове, а на прочном фунда-
менте братства народов и
национальной самобытно-
сти — опыт некрасовского
творчества далеко пере-
стает границы своего
времени и в этом отноше-
нии, Скажем, напряжен-
ные раздумья поэта о
судьбе русской женщины
и в наши дни находят
многих горских поэтов на
аналогичную «свою» те-
му. Это не значит, конеч-
но, что все поэмы о суд-
бе горняки продиктованы
только некрасовскими сти-
хами. Сама жизнь должна
волновать и вдохновлять
художника, и историческая
и эстетическая, нравствен-
ный опыт крупного пред-
шественника не может
остаться для нас безраз-
личным.

Некрасов — целое по-
этическое государство,
живущее по своим зако-
нам. Он — крупнейшее на-
циональное явление. И в
каком-то смысле за него
можно порадоваться, что
он родился русским и пи-
сал на русском языке. По-
чему? Потому что, если бы
он, например, писал на
аварском или даргинском,
круг его читателей мог
оказаться и более узким.

Я люблю стихи Некра-
сова и несколько его пере-
водил на аварский. И тут
сам для меня определен-
ные трудности возникли,
еще не преодолев. Некрасов
настоящий самобытный
поэт, его стихи довольно
сложно передать на дру-
гом языке. В этом его си-
ла, но как это осложняет
работу переводчика! Пуш-
кин и Лермонтов все-таки
«легче» поддаются пере-
воду.

В наши дни кое-кто
скептически оценивает от-
дельные произведения Нек-
расова. И зря. Помню,
как волновался и пережи-
вал Александр Трифонов-
ич Твардовский, когда
сталкивался с непонимани-
ем, Скажем, напряжен-
ные раздумья поэта о
судьбе русской женщины
и в наши дни находят
многих горских поэтов на
аналогичную «свою» те-
му. Это не значит, конеч-
но, что все поэмы о суд-
бе горняки продиктованы
только некрасовскими сти-
хами. Сама жизнь должна
волновать и вдохновлять
художника, и историческая
и эстетическая, нравствен-
ный опыт крупного пред-
шественника не может
остаться для нас безраз-
личным.

Некрасов — целое по-
этическое государство,
живущее по своим зако-
нам. Он — крупнейшее на-
циональное явление. И в
каком-то смысле за него
можно порадоваться, что
он родился русским и пи-
сал на русском языке. По-
чему? Потому что, если бы
он, например, писал на
аварском или даргинском,
круг его читателей мог
оказаться и более узким.

Я люблю стихи Некра-
сова и несколько его пере-
водил на аварский. И тут
сам для меня определен-
ные трудности возникли,
еще не преодолев. Некрасов
настоящий самобытный
поэт, его стихи довольно
сложно передать на дру-
гом языке. В этом его си-
ла, но как это осложняет
работу переводчика! Пуш-
кин и Лермонтов все-таки
«легче» поддаются пере-
воду.

В наши дни кое-кто
скептически оценивает от-
дельные произведения Нек-
расова. И зря. Помню,
как волновался и пережи-
вал Александр Трифонов-
ич Твардовский, когда
сталкивался с непонимани-
ем, Скажем, напряжен-
ные раздумья поэта о
судьбе русской женщины
и в наши дни находят
многих горских поэтов на
аналогичную «свою» те-
му. Это не значит, конеч-
но, что все поэмы о суд-
бе горняки продиктованы
только некрасовскими сти-
хами. Сама жизнь должна
волновать и вдохновлять
художника, и историческая
и эстетическая, нравствен-
ный опыт крупного пред-
шественника не может
остаться для нас безраз-
личным.

Некрасов — целое по-
этическое государство,
живущее по своим зако-
нам. Он — крупнейшее на-
циональное явление. И в
каком-то смысле за него
можно порадоваться, что
он родился русским и пи-
сал на русском языке. По-
чему? Потому что, если бы
он, например, писал на
аварском или даргинском,
круг его читателей мог
оказаться и более узким.

Я люблю стихи Некра-
сова и несколько его пере-
водил на аварский. И тут
сам для меня определен-
ные трудности возникли,
еще не преодолев. Некрасов
настоящий самобытный
поэт, его стихи довольно
сложно передать на дру-
гом языке. В этом его си-
ла, но как это осложняет
работу переводчика! Пуш-
кин и Лермонтов все-таки
«легче» поддаются пере-
воду.

В наши дни кое-кто
скептически оценивает от-
дельные произведения Нек-
расова. И зря. Помню,
как волновался и пережи-
вал Александр Трифонов-
ич Твардовский, когда
сталкивался с непонимани-
ем, Скажем, напряжен-
ные раздумья поэта о
судьбе русской женщины
и в наши дни находят
многих горских поэтов на
аналогичную «свою» те-
му. Это не значит, конеч-
но, что все поэмы о суд-
бе горняки продиктованы
только некрасовскими сти-
хами. Сама жизнь должна
волновать и вдохновлять
художника, и историческая
и эстетическая, нравствен-
ный опыт крупного пред-
шественника не может
остаться для нас безраз-
личным.

Некрасов — целое по-
этическое государство,
живущее по своим зако-
нам. Он — крупнейшее на-
циональное явление. И в
каком-то смысле за него
можно порадоваться, что
он родился русским и пи-
сал на русском языке. По-
чему? Потому что, если бы
он, например, писал на
аварском или даргинском,
круг его читателей мог
оказаться и более узким.

Я люблю стихи Некра-
сова и несколько его пере-
водил на аварский. И тут
сам для меня определен-
ные трудности возникли,
еще не преодолев. Некрасов
настоящий самобытный
поэт, его стихи довольно
сложно передать на дру-
гом языке. В этом его си-
ла, но как это осложняет
работу переводчика! Пуш-
кин и Лермонтов все-таки
«легче» поддаются пере-
воду.

В наши дни кое-кто
скептически оценивает от-
дельные произведения Нек-
расова. И зря. Помню,
как волновался и пережи-
вал Александр Трифонов-
ич Твардовский, когда
сталкивался с непонимани-
ем, Скажем, напряжен-
ные раздумья поэта о
судьбе русской женщины
и в наши дни находят
многих горских поэтов на
аналогичную «свою» те-
му. Это не значит, конеч-
но, что все поэмы о суд-
бе горняки продиктованы
только некрасовскими сти-
хами. Сама жизнь должна
волновать и вдохновлять
художника, и историческая
и эстетическая, нравствен-
ный опыт крупного пред-
шественника не может
остаться для нас безраз-
личным.

Некрасов — целое по-
этическое государство,
живущее по своим зако-
нам. Он — крупнейшее на-
циональное явление. И в
каком-то смысле за него
можно порадоваться, что
он родился русским и пи-
сал на русском языке. По-
чему? Потому что, если бы
он, например, писал на
аварском или даргинском,
круг его читателей мог
оказаться и более узким.

Николай УШАКОВ

НОВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПРЕКРАСНОМ

НЕКРАСОВ — это русская поэзия
в ее поступательном движении
от Пушкина и Лермонтова к Бло-
ку и Маяковскому.

Это дальнейшая поэтическая ле-
тоспись страны.

Изменившийся пейзаж: дороги и
харчевни, заставы и торьмы, овны и
рублины с новой точкой зрения.

Приметы новой экономики и тех-
никой колесных парходов, железно-
дорожные насыпи, фабричные поруха
и трубы.

Не прежний Петербург, не лунный
узор на лаковом полу и не светлая
Адмиралтейская игла, не потешные
маршвы поля, а Сенная площадь —
«там были женщины кнутом».

Не благородный князь — супруг
Татьяны Лариной и не Штолцъ —
приятель Обломова, безупречной ре-
путации делов, а вот эта крестьянка
молодая и другие уютные лица дерев-
ни и города и тут же возможные
и счастливые — десятичные-грамоты и
чиновники-стяжатели.

Стихотворения и поэмы Некрасо-
ва — свидетельства больших перемен
в жизни, а значит, и в литературе.

Как не изыскать для сторонников
драгоценного стиля Некрасова!

Заявляешь подмишки передник,
Перевяжешь уродливо груди...

Некрасов — это новая эстетика, а
новое представление о прекрасном,
как всегда, вызывает не только про-
стые рукописания, но и провозитель-
ные свистки.

Белинский в «Литературных ме-
чтаниях» писал о Пушкине: «Ни один
поэт на Руси не пользовался такою
популярностью» (популярностью. —
Н. У.), такую славою при жизни, и
ни один не был так жестоко оскорб-
ляем».

Популярный не менее Пушкина,
Некрасов знал оскорбления больше.

О Пушкине говорили: «Нам ма-
ленький Пушкин» о Некрасове —
«Он не поэт, даже версификатор
Некрасов плохой».

Для нас, думающих всей историей
России, Некрасов — один из основ-
ных преобразователей русской поэ-
зии.

Как Пушкин, а потом Маяковский,
он обновил наш поэтический словарь,
дал нашему стиху новую живопис-
ность, новую музыкальность.

Заставляя эстетов возмущать его
«являющийся» «ремия-ревет», «прегря-
ный» вместо «тониче», «срыдаст»,
«грязный», «Мы-ста тебя взбунте-
ным дубом» («Исшая охота»), надо
полагать, приводило их в ярость.

Наш адрес: Чистопрудный бульвар, дом 8. Телефоны: Для справок 294-30-00, доб. 3-27. Отдел писем 294-68-56.

Типография издательства «Московская правда», Потаповский пер., 3.

Редактор А. УДАЛЬЦОВ